

УДК 327.39(5–191.2)

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОЕКТ
ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РАМКАХ МИРОВОГО ТРЕНДА РЕГИОНАЛИЗАЦИИ**

И.А. Сафранчук, В.А. Харченко

Рассмотрен процесс евразийской интеграции как долгосрочный проект для стран Центральной Азии. Особое внимание уделено соответствию процесса евразийской интеграции мировому тренду регионализации.

Ключевые слова: евразийская интеграция; Таможенный союз; единое экономическое пространство; Евразийский экономический союз; Центральная Азия.

**EURASIAN INTEGRATION AS THE LONG-TERM PROJECT FOR CENTRAL ASIA
WITHIN THE WORLD TREND OF REGIONALIZATION**

I.A. Safranchuk, V.A. Kharchenko

It is considered the process of Eurasian integration as a long-term project for Central Asia. The special attention is paid to compliance of process of the Eurasian integration to the world trend of regionalization.

Keywords: Eurasian integration; Customs union; Common economic space; Eurasian economic union; Central Asia.

По мере развития Таможенного союза (ТС), создания Единого экономического пространства (ЕЭП), а затем Евразийского экономического союза (ЕАЭС)... с выходом на стадию принятия новых участников можно говорить о том, что ЕАЭС является своеобразным итогом формирования российской стратегии для постсоветских стран, в том числе центральноазиатских.

В качестве приоритета объединившиеся в ЕАЭС страны выдвигают экономическую интеграцию. Основные цели ЕАЭС следующие: 1) создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; 2) стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; 3) всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики [1].

На наш взгляд, общее экономическое пространство при самых благоприятных обстоятельствах могло бы существовать в масштабах Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии, Молдовы, России, Таджикистана, Узбекистана и Украины (страны перечислены в алфавитном порядке, а не по какому-то иному критерию). В таких масштабах экономическая группировка имела бы общий ВВП (в ценах 2012 г.) более 2,5 трлн долл. (около

2 трлн долл. – ВВП России и более 0,5 трлн долл. – остальные страны вместе взятые), а по паритету покупательной способности общий ВВП был бы еще выше. Такое единое экономическое пространство может объединить на своей территории население числом 265 млн чел.

Главный вклад в такие новые масштабы ЕЭП, помимо России, могла бы внести Украина с ее более 45-миллионным населением и докризисным ВВП в 176,3 млрд долл. Однако перспективы расширения сотрудничества Украины с ТС были сорваны госпереворотом в Киеве в 2014 г. И так происходит уже второй раз за 10 лет. В 2004 г., когда Украина и Россия вплотную подошли к формированию ЕЭП для двух стран, и несколько предыдущих лет над соответствующим соглашением велась серьезная техническая работа, “оранжевая революция” полностью перечеркнула эти планы.

Страны Центральной Азии могут внести заметный вклад в масштабы ЕЭП: Казахстан – 203,5 млрд долл. ВВП и 16,8 млн чел. населения, Кыргызстан – 6,4 млрд долл. ВВП и 5,5 млн чел., Таджикистан – 6,9 млрд долл. ВВП и 8 млн чел., Узбекистан – 51,1 млрд долл. ВВП и 29,8 млн чел. населения. Таким образом, общий вклад стран Центральной Азии в ЕЭП мог бы составить 267,9 млрд долл. ВВП и 60,1 млн человек. Если Узбекистан в краткосрочной перспективе будет

участвовать в проектах ТС и ЕАЭС, показатели становятся скромнее, тем не менее они остаются значимыми: около 216 млрд долл. ВВП и более 30 млн чел.

Казахстану сделать выбор в пользу ТС было легче, поскольку Н. Назарбаев еще в середине 2000-х гг. сориентировал политическую элиту страны и чиновников на реиндустриализацию. Объяснимо это тем, что при всем богатстве природных ресурсов Казахстана 16,8 млн чел., его населяющих, не могут прожить только на природную ренту. В Казахстане есть крупная база металлургической и горнорудной промышленности, и Н. Назарбаев видит будущее своей страны как конкурентоспособного индустриального государства.

Бесспорно, 16,8 млн чел. населения слишком много, чтобы всем жить только на природную ренту, но в то же время слишком мало, чтобы работать только на внутренний рынок. Казахстану с его программами реиндустриализации необходимы внешние рынки, прежде всего, близкие. Еще в марте 1994 г. Н. Назарбаев выступил с евразийской инициативой, предложив создать Евразийский Союз государств. А в 2011 г. перед началом работы ЕЭП президент Казахстана предельно четко сформулировал интересы своей страны в области интеграции: “Экономические интересы, а не абстрактные геополитические идеи и лозунги – главный двигатель интеграционных процессов. Поэтому первооснова будущего Евразийского Союза – Единое экономическое пространство как масштабный ареал совместного успешного развития наших народов” [2].

Переговоры Кыргызстана о присоединении к ТС состоялись в 2013–2014 гг. Временами они проходили непросто, но, в конце концов, Кыргызстан сделал выбор в пользу ТС и ЕАЭС. Вхождение Таджикистана в ТС и ЕАЭС – вопрос более отдаленного времени. Как и Кыргызстан, Таджикистан за годы независимости стихийно пришел к модели экономического выживания, а потом и развития, которая требует очень серьезного пересмотра вопроса о принятии решения о присоединении к ЕАЭС.

Главные секторы официальной экономики Кыргызстана – горнорудная промышленность и гидроэлектроэнергетика, которые дают основной доход в бюджет, однако они не создают достаточного количества рабочих мест. Крупнейшим неформальным сектором экономики является торговля и посредничество. Кыргызстан быстро нашел свою нишу в региональной торговле: реэкспорт китайских товаров давал значительную долю “теневое” ВВП и стал системным фактором кыргызской экономики. Следовательно, в Кыргызстане

распространена концепция “транзитного будущего”. Предполагается, что Кыргызстан находится на перекрестке крупных торговых маршрутов и должен укреплять свои позиции регионального транспортно-торгового хаба. Однако если учесть, что на практике этот хаб ориентирован на товары китайского производства, то это мало стыкуется с базовыми идеями ТС и ЕАЭС.

В результате переговоров Кыргызстана о присоединении к ТС и ЕАЭС была выработана “дорожная карта”, которая предполагает выделение длинного списка из десятков групп товаров, в который войдут в общей сложности более тысячи наименований товаров, в отношении которых будут действовать преференции, чтобы смягчить для кыргызстанской экономики сокращение реэкспорта китайских товаров. Но даже при предоставлении таких преференций вступление Кыргызстана в ЕАЭС – не простое решение. Требуется смена парадигмы мышления. Не так просто осознать, что будущее страны – не в перепродаже китайских товаров, а в реиндустриализации и индустриально-инновационном развитии.

Вступление Таджикистана в ЕАЭС – это не перспектива ближайших нескольких лет. В настоящее время в рамках общественной дискуссии обсуждаются различные подходы в отношении российского интеграционного проекта. Участники нескольких “круглых столов”, посвященных этой тематике, в том числе и молодежная аудитория, приводя достаточно убедительные данные, склоняются к мысли о безальтернативности присоединения Таджикистана к ЕАЭС. По мнению некоторых экспертов, большая доля сомневающихся, или лучше сказать опасующихся, приходится на местную этноэлиту, усматривающую в этом крупном экономическом проекте угрозы для собственного бизнеса. Дискуссии показывают, что Таджикистану сложно принять однозначное решение. Помимо приведенных оценок, важным фактором для Таджикистана является необходимость в перспективе принятия мер по ужесточению таможенного режима на границе с Китаем, но, главное, это потребует серьезного ужесточения режима на южной границе – с Афганистаном.

Последние 10 лет в Таджикистане огромные усилия были вложены в развитие торговли в южном направлении [3, с. 21–26], делалось это в рамках концепции “Большой Центральной Азии” и “Нового Шелкового пути” [4, с. 43–53]. Через реку Пяндж в Афганистан построено пять мостов, открыты пункты пропуска людей и товаров. В этих местах создаются свободные экономические зоны для стимулирования торговли. Торговля налажена не только с Афганистаном, но через Афганистан

с Пакистаном. Постепенно в Таджикистане стали популярными идеи “разворота на юг” и интеграции в южное экономическое пространство. Конечно, нестабильность в Афганистане оставляет некоторую неопределенность в этом отношении, но в целом у таджикских экспертов преобладает точка зрения, что Афганистан – это, в первую очередь, возможность, хотя признаются и риски.

Таким образом, ЕАЭС – это союз, те страны, которые ориентированы на реиндустриализацию и индустриально-инновационное развитие, которым нужен расширенный рынок и общие экономические границы для увеличения масштабов своей экономики. Для тех стран, которые привыкли в последние 25 лет к торгово-посреднической парадигме развития, присоединение к ЕАЭС становится довольно сложным решением.

Узбекистан в этом смысле, безусловно, заинтересован в доступе на экономическое пространство ЕАЭС. На постсоветском пространстве он проводит одну из самых амбициозных программ реиндустриализации. Запуск и первые этапы этой программы осуществляются в основном за счет внутреннего рынка почти в 30 млн населения, однако возможности этого рынка рано или поздно будут исчерпаны. С каждым годом для Узбекистана повышается значение экспорта промышленной продукции. И уже в обозримой перспективе наступит момент, когда доступ на внешние, но близкие и достаточно емкие рынки станет для Узбекистана приоритетным.

Сегодня экономическая регионализация является мировым трендом. И формирование ЕАЭС как регионального интеграционного объединения укладывается в общемировую тенденцию, где регионализация приходит на смену глобализации. В последние двадцать лет были чрезвычайно популярны идеи глобализации. Особенно они были распространены в Центральной Азии – как в широких слоях населения, так и среди элиты, и во многом остаются популярны до сих пор. Существовали даже иллюзии, что страны Центральной Азии могут повторить путь “азиатских тигров”, на которых в 1990-е гг. смотрели как на пример для подражания.

Однако страны Центральной Азии находятся внутри континента. Они обладают такими ресурсами, как нефть, газ, золото, которые даже из глубины Евразийского континента выходят на мировой рынок и становятся частью глобальной торговли. Однако для широкой номенклатуры несырьевых товаров рынок для производителей весьма ограничен, и это региональный рынок, а не глобальный (доступ на который слишком дорог и который слишком конкурентен) и не страновой (у всех стран маленький по своим масштабам).

Со времени глобального финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. в мире все заметнее становится тренд на сворачивание глобализации (деглобализация). Все больше наблюдается протекционистских мер, все больше ограничений для движения людей, капиталов, товаров. ВТО находится в кризисе. Одновременно набирает темпы процесс регионализации, когда формируются крупные регионы активной экономической жизни с интенсивной торговлей внутри региона, со своими региональными правилами, которые на месте становятся важнее глобальных. И регионы начинают конкурировать между собой.

Формирование ТС, ЕЭП и ЕАЭС укладывается в этот общемировой тренд [5, с. 120–126]. Для тех же, кто возлагал основные надежды на глобализацию и сотрудничество с нерегиональными игроками, пытаясь играть на их противоречиях в конкуренции за Центральную Азию [6, с. 115–116], оказывается сложным изменить свои базовые подходы. Сложно после стольких лет надежды на глобализацию перейти на путь укрепления экономических границ регионального интеграционного объединения. Транзитно-транспортное видение будущего региона Центральной Азии долго пропагандировалось западными экспертами, в том числе и через международные институты развития.

Но если отбросить красивые слова “глобализация” и “современное развитие”, то получается, что странам Центральной Азии отводят очень четко очерченную нишу в мировой экономической системе, которая предполагает, что регион в основном экспортирует природные ресурсы и импортирует промышленные товары, а также обеспечивает транзит товаров через свою территорию в рамках торговли между мировыми центрами развития у Тихого (Китай), Индийского (Индия и страны Ближнего Востока) и Атлантического (Европа) океанов. Это оставляет открытым очень важный вопрос о создании достаточного количества рабочих мест в самом регионе Центральной Азии, а создание новых рабочих мест абсолютно необходимо, чтобы обеспечить приемлемый уровень занятости растущего местного населения. Сейчас проблема занятости во многом решается за счет массовой трудовой миграции в Россию. Для Киргизии и Таджикистана фактор трудовой миграции в Россию особенно значим. Однако Россия, очевидно, будет ужесточать доступ мигрантов на свой рынок труда, обставляя это дополнительными условиями.

Формирование сильного экономического объединения в центре Евразии не только укладывается в общемировой тренд экономической регионализации, но и объективно отвечает интересам

постсоветских государств. ЕАЭС – “это союз тех, кто не хочет, – воспользуемся формулировкой Н. Назарбаева, – оказаться на обочине истории, заняв лишь нишу сырьевого придатка мировой экономики” [2].

ЕАЭС имеет все основания стать мощной экономической группировкой. ЕАЭС – это 25 % мировых доказанных запасов природного газа, 9 % нефти. Объяснимо это не только наличием запасов полезных ископаемых. ЕАЭС – важный игрок на мировых рынках промышленного сырья (11 % глобального сырьевого экспорта и 14 % мирового экспорта энергоносителей). Впрочем, по размеру экономики ЕАЭС занимает скромное место в мире – 2,6 % мирового ВВП (3,4 % мирового ВВП по паритету покупательной способности) и 4 % мирового экспорта, что только свидетельствует об огромном потенциале его развития в интересах народов государств ЕАЭС.

Важно подчеркнуть, что ТС, ЕЭП и ЕАЭС создавались именно для совместного развития стран-участниц, для наиболее эффективной реализации их потенциала на принципах открытости экономики. В. Путин и Н. Назарбаев неоднократно подчеркивали, что евразийская экономическая интеграция – это не изоляционистский, а открытый проект; его задача не изолироваться от мира, а стать сильным центром развития в современном мире [2; 7].

Проект евразийской интеграции – это прагматический выбор стран-участниц, притом что, как уже отмечалось, региональная интеграция в Евразии укладывается в общемировой тренд регионализации. В России, Казахстане и Беларуси на экспертном уровне высказываются различные точки зрения о перспективах ЕАЭС. Однако на уровне политического руководства всех стран наблюда-

ется полная приверженность идеям и перспективам интеграции. Большое количество споров было вызвано относительно присоединения Армении и Кыргызстана к ТС и ЕАЭС. Способность согласовать позиции старых и новых членов свидетельствует о реальной приверженности ЕАЭС модели интеграции, потенциально открытой для всех стран постсоветского пространства, и опровергает высказывавшиеся в экспертной среде подозрения в закрытости этой экономической группировки.

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.). Ст. 4 // URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Lists/EECDocs/635375701449140007.pdf>
2. Назарбаев Н.А. Евразийский союз: от идеи к истории будущего / Н.А. Назарбаев // Известия. 2011. 25 окт.
3. Искандаров К.И. Роль Афганистана в решении транспортных проблем Таджикистана / К.И. Искандаров // Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. 2013. № 5.
4. Сафранчук И.А. Концепция “Новый Шелковый путь” и политика США в “Большой Центральной Азии” / И.А. Сафранчук // Междунар. жизнь. 2013. № 7.
5. Сафранчук И.А. Глобализация в головах. Центральная Азия и евразийская интеграция / И.А. Сафранчук // Россия в глобальной политике. 2015. № 1.
6. Сафранчук И.А. Конкуренция за безопасность Центральной Азии / И.А. Сафранчук // Россия в глобальной политике. 2007. № 6.
7. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня / В.В. Путин // Известия. 2011. 4 окт.